

МОДЕЛИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ АЛТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Имени ребенка в традиционной алтайской культуре придавалось большое смысловое и символическое значение: ат коркушту учурлу неме ("имя имеет очень большой смысл"). Получить право наречь младенца означало удостоиться высокой чести. Предоставление этого права выражалось определенным символическим действием. Так, если родители ребенка во время угощения на родинах клали перед избранным ими гостем голову барана, повернутую к нему, это означало, что гость должен назвать ребенка. Тот, кто нарекал ребенка, обязательно дарил ему что-нибудь, хотя бы пуговицу со своей одежды. Л.Э. Каруновская об этом обычае писала: "Тот, имя которого дается ребенку, должен матери новорожденного подарить что-нибудь, большею частью какой-нибудь пустяк, копеек десять-двадцать серебром. Есть будто бы любители награждать новорожденных своим именем; они стараются подоспеть к важному моменту с каким-нибудь подарком" [1. С. 30].

/. Простые антропонимы.

Большинство алтайских имен собственных составляют простые антропонимы, образованные от нарицательных имен самой различной семантики. Следы "первичного именика сильнее у алтайцев, меньше у якутов, еще слабее у других тюркоязычных народов, где большинство имен не только вторично, но и заимствовано от других народов, т. е. не имело корней в живой речи" [2. С. 103].

Первым на этимологию алтайских имен обратил внимание В. И. Вербицкий: "Имена означают какие-либо предметы, например, Мултык - ружье, Сары-баш - желтая голова, и притом у южных алтайцев - в уменьшительном виде: Позучак - теленочек..." [3. С. 85]. Материалы Л. Э. Каруновской показывают, что у алтайцев устоявшегося именика не было, фактически собственным именем могло стать любое слово, и значит, границы именика весьма расплывчаты: "Все присутствующие тут же подбирают имя новорожденному; попивая арачку, каждый кричит свое, один, напр., предлагает назвать мальчика "таш" (камень), другой - "акча" (деньги), третий - "чалкан" (репа), "Чрка" (самец), "к\ж\ (человек), "чит-пйк" (молодая лиственница) "чочко" (свинья), "куй-качГ (пещерный писарь), "iti" (собака), "малай" (варежки) и пр. ... Девочкам выбирают более привлекательные имена, напр.: "чачак" (цветок), "сырга" (серьга), "кур" (опояска), "тапачак" (нагрудное украшение), "КОЖОН" (заяц), "пубШ (зыбка), "топчы" (пуговка), "кандык" (растение, корень которого употребляют в пищу)" [1. С. 29].

Современные алтайские имена могут означать: *Алым* - долг; *Амыр* - мирный; *Анны* - охотник; *Байрам* - праздник; *Дбайым* - свобода;

Дьескинек - брезгливый; *Дьинды* - бисер, жемчуг; *Ирбис* - барс; *Темир* - железо; *Кожончы* - песенница; *Чейнеш* - пион; *Эркелей* - миленькая.

В именах может "кодироваться" информация о времени, месте, обстоятельствах рождения ребенка. Например, *Мултук* (букв. "ружье") - родившийся на праздник Крещения; *Байрам* - родившийся на праздник; *Орой* - поздний ребенок, последыш. Имя может быть дано и по каким-то отличительным чертам малыша, уже видимым родителям, или же просто в качестве пожелания "стать таким как...". К этой группе можно отнести такие имена, как *Арчындай* - словно можжевельник; имя-пожелание стоять на земле столь же крепко, как можжевельник; *Айанчы* - пожелание повидать землю, много путешествовать; *Астам* - всегда иметь выгоду, прибыль; *Кырьодо* - голенастый.

Четкой разницы между мужскими и женскими именами у алтайцев не наблюдалось. Однако если большинство существовавших личных имен можно было отнести к мужским и женским (*Јстар*, *Койонок*, *Бачьмат*), то именами *Темир* - железо, *Анчы* - охотник могли быть названы только мальчики, а именем *Сырга* - сережка, *Ийнелик* - игольница - только девочки. Женские имена были, как правило, более благозвучны. Для выбора женского имени не использовался пласт лексики, связанный с мужскими занятиями, промыслами, ремеслами, а также названия диких зверей.

2. Сложные антропонимы.

Такие сложные имена обычно образованы сложением двух основ: *Айаткы* - стреляющий из лука (айа - самострел, лук; аткан - стрелял); *Аксагал* - белобородый (ак - белый; сагал - борода); *Акчач* - светловолосый (ак - белый; чач - волосы); *Алтын-Баш* (золотая голова).

3. Имянаречение по обычаю запрета, избегания.

При выборе имени для новорожденного в традиционной культуре алтайцев строго соблюдался запрет давать имена родителей, дедов и бабушек - как живущих, так и уже умерших. Как объясняют пожилые женщины-информанты, в случае с именами бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек этот запрет действует потому, что мама новорожденного, будучи *келин*, невесткой семьи, не имеет права называть имен свекра и свекрови, всех старших родственников мужа по отцовской и материнской линии до седьмого колена, соблюдая обряд избегания *кайындаш*. Кроме того, считается, что, давая имя когда-то жившего родственника ребенку, ему предопределяют повторение судьбы этого человека. Следовательно, давать такое имя будет неправильно, поскольку каждый родившийся человек наделяется собственной, индивидуальной и оригинальной судьбой. Наречение ребенка именем старшего родственника означает надделение его не своей судьбой. Судьбу, однако, можно изменить, изменив имя человека. Изменяют имя ребенка при обнаружении того, что оно не подходит ребенку. Смена имени необходима в тех случаях, когда ребенок постоянно болеет без видимых причин, плохо спит, плохо растет. Иногда бывает так, что ребенок 4-5 лет сам выбирает себе имя. Он просит домашних назы-

вать его иным именем и сам зовет себя так. У родителей для подобного решения есть 7 или, по другим сведениям, 12 лет.

Общий запрет на произношение имени старшего человека и в настоящее время сохранился как этическая норма в общении и поведении людей. Как отмечал В. И. Вербицкий, "...к старшим очень почтительны и уважительны. Дети не произносят имени своих родителей, как бы считая себя недостойными этой чести..." [4. С. 351]. По данным этнографии, "с малых лет воспитание детей сводилось к уяснению и строгому выполнению существовавших древних обычаев... По имени они не называли... всех своих старших братьев и сестер. При обращении к старшим обязательно в вежливой форме, на вы, дети должны были говорить "акам" - старший брат, "ajeM" - старшая сестра. Когда в юрте находились гости, посторонние люди, малышам следовало тихо сидеть в стороне, не мешая старшим вести разговор" [5. С. 129-130].

При запретах подобного характера универсальным способом замещения имени старшего было употребление терминов кровного родства, свойственного родства или же терминов почтительного обращения к старшим. Следует отметить, что употребление этих терминов вместо имени человека было более активным, чем в настоящее время.

Термины почтительного обращения к пожилым мужчинам и женщинам восходили к терминам родства и обозначали, например, деда, прадеда, бабушку, старшую тетюшку, их родных, двоюродных братьев и сестер, но постепенно эти слова становились и для всех окружающих их основными именами, впоследствии некоторые из них стали осознаваться только как термины почтительного обращения к старшим людям.

Эвфемизмы - термины почтительного обращения к старшим в алтайском языке детально исследованы Н.А. Яимовой [6]. Укажем лишь некоторые примеры. Вместо имени человека употребляются следующие термины, обозначающие родство по матери (*эне* 'мать'): *таай* э/е 'старшая сестра матери, тетюшка'; *аугай* 'старшая сестра матери' (онгуд. гов.); *таай* 'дядя по матери', а также 'двоюродные братья и сестры по матери'; *таада* (лит.), *тайбааш*, *тайдак* (куманд.) 'дедушка по матери' - *Јата* (лит.), *наана* (онгуд.) 'бабушка по матери и отцу', *тайна* (туба, теленг.), *тайнеш*, *энеш* (тел.), *тайнак* (теленг., куманд.) 'бабушка по матери'; *јееи бала* 'дети со стороны дочери, внук по дочери'... Родство по линии отца (*ада* лит., *аја* диал. 'отец') обозначается терминами: *авгы* э/е 'дочь старшего брата отца, тетюшка' (у.-кан. гов.); *јаан* э/е 'сестра отца'; *аба*, *акы* 'старший брат отца, дядя по отцу'; *абаай* 'брат деда по отцу, брат отца' (туба); *сыйын* 'младшая сестра, дочь брата'; 'младшая родственница по роду'; *ачы-сыйын* 'дочь брата'; *ачы-карындаш* 'сын брата' [С. 27].

4. Наречение двумя именами.

С середины XIX в. начинает свою деятельность Алтайская духовная миссия: алтайские имена активно вытесняются русскими, вначале православными, именами. До революции крещеным именем звались единицы.

Е.К. Яковлевым отмечено, что церковное имя "очень часто забывается даже ближайшими родственниками" [7. С. 81]. При обращении в христианское вероисповедание алтайцы нарекались русскими именами, и таким образом у взрослого человека становилось два имени: первое - алтайское, данное ему при рождении своими сородичами и впоследствии табуированное, второе - русское, полученное им позднее при крещении. О времени принятия второго имени Л.Э. Каруновская отмечает, что "большая часть телеутов улуса Черга крещёные и имеют православные имена, но крещение происходит поздно, лет в десять-пятнадцать и даже позднее; поэтому при рождении ребенок получает имя в той обстановке, как описано выше" [1. С. 29]. Это второе имя в некоторых случаях было официальным именем, по мере взросления оно становилось своеобразным эвфемизмом табуированного алтайского имени в семье и предпочтительной формой обращения, например, при желании оказать уважение к человеку. Из двух имен алтайское имя "забывалось", со временем знали его только свои родственники или старшие, а детям, молодежи, посторонним это имя даже было и неизвестно. Обычай наречения алтайским именем еще оставался дома.

5. Имянаречение по фонетическому сходству начальных звуков двух имен.

Позднее, когда стали крестить новорожденных, нарекать и регистрировать в церкви русскими именами, появляется традиция подбора алтайского имени к известному русскому по сходству начальных звуков: Дмитрий - Тайтыш (*Jaumbiini* 'обширный, свободный, просторный'); Михаил - Мойно (*мойно* - 'упрямиться'); Татьяна - Тана (букв, 'перламутровая пуговица').

6. Имянаречение по созвучию нескольких имен в одной семье.

В алтайских семьях существовал обычай наречения детей близкими по звучанию именами: Палачак, Паланчы, Палагей, Паланька; Маадай, Модой, Маадый.

7. Имянаречение по фонетической адаптации к названию русской реалии.

В 20-30-е годы алтайцы кроме официального русского имени, известного немногим, имели также второе, общеупотребительное имя, заимствованное из русского языка и фонетически адаптированное название новой, необычной реалии: Алексей - Укас (из рус. 'указ'); Григорий - Газет, Казет (из рус. 'газета'); Сергей - Почто (из рус. 'почта'); Журнал (из рус. 'журнал'); Телегат (из рус. 'делегат'); Сабет (из рус. 'совет'); Плаката (из рус. 'плакат'). (Подробнее см. [8]). В некоторых случаях русское имя оставалось единственным именем человека, алтайским именем его не нарекали вообще. Эти имена произносились в соответствии с произносительными нормами алтайского языка: Сарка (*Сара, Серафима*); Марна (*Марфа*); Параской (*Парасковья*); Барбарыш (*Варвара*); Јепеие, Зеленке (*Елена*); Мыкайлаш (*Михаил*); Мосько (*Моисей*); Банюш, Бануш (*Ванюша*); Темкей (*Тимофей*), Элескей (*Алексей*), Мукулаш (*Николаша*); Маткей (*Матвей*), Педе (*Федя*) и т. д.

8. Имянаречение по названию сёка.

После революции у алтайской интеллигенции сохранился обычай присоединять к своей фамилии название рода: *Чорос-Гуркин, Чагат-Строев* и др.

Вместе со своим именем дети рано узнавали свой сёк. Было принято рассказывать детям о людях своего сёка, их храбрости, мудрости и пр. Поощряли положительные поступки словами "Да. Ты будешь истинным "иркитом"" (название алтайского сёка). А более старших детей учили называть предков до 7-го колена. Своих сородичей дети называли братом, сестрой. По примеру старших ребенок обращался на "Вы" даже к младшему, если родители малыша были старше, чем его родители.

По истечении семи поколений потомок может носить имя предка. Знание своих предков до седьмого колена некогда было обязательным. А.В. Анохин пишет об этом: "Свою родословную по восходящей линии отца или матери алтайцы ясно представляют и передают до седьмого поколения. Лиц дальнейшего поколения алтайцы боятся называть. По их убеждению, лица далее седьмого поколения когда-то принадлежали к Ойротскому царству, и называть их имена считается предосудительным для русского царя. Поэтому старые люди... умалчивают о них" [9. С. 23]. Реальная причина сокрытия имен предков старше седьмого поколения заключается в опасении появления духов умерших предков - *суне* или *узут*. Называя имена умерших предков, человек тем самым как будто призывает их к себе. Согласно верованиям алтайцев, душа человека бессмертна, вечна - *манку болгон тын*. Душа умершего человека превращается в *кормос* - "невидимого" или "невидящего". Услышав свое имя, она проникает внутрь жилища. Это опасно для здоровья и жизни человека, так как основное занятие злых духов, в особенности же специальных слуг "посланников" (*элчи*) и "забирающих" (*алдачы*) Эрлика - главы нижнего мира, - похищать и пожирать души живущих людей [9. С. 21-27]).

Среди современных алтайских имен нередко встречаются названия сёков: *Байлагас, Кёбёк, Тодош, Кабак, Кожут* и др.

9. Наречение защитными, "обманными" именами.

Из этнографических источников известно об "обманных" (защитных) именах алтайцев, охраняющих от "нечистой силы". В. И. Вербицкий писал, что иногда детям "стараятся дать имя как можно похуже, предполагая, что с худым именем долго будет жить... [3. С. 85-86]. Л.Э. Каруновская подтверждает наличие у алтайцев имен-оберегов: "...иногда дают новорожденному отвратительное имя умышленно сами родители - это в тех случаях, когда предыдущие дети не выживали, умирали маленькими ... вплоть до неудобопечатаемых, напр., ядрена мать, ж..а и др. [1. С. 29].

В этнографической литературе обманные имена нашли свое объяснение: "С целью сохранения жизни ребенку и предохранения его от заболеваний алтайцы прибегали к различным способам, связанным с религиозными верованиями, в частности шаманскими. Одним из таких способов было наречение детей плохими, иногда даже неприличными именами.

Бедные родители верили шаманскому утверждению, что при произнесении вслух дурного имени глава злых духов Эрлик не пожелает остановить свое внимание на ребенке и таким образом ему будет сохранены жизнь и благополучие" [10. С. 128].

С 40-х годов начинает употребляться, сначала только в официальном общении, заимствованная из русского языка вежливая форма обращения по имени и отчеству. В современном алтайском языке существуют следующие варианты этой модели: алтайское имя + отчество, образованное от основы алтайского имени; алтайское имя + отчество, образованное от основы русского имени; русское имя + отчество, образованное от основы алтайского имени; русское имя + отчество, образованное от основы русского имени.

Традиционное обращение друг к другу только по имени без отчества, как и активное употребление в обращении среди членов семьи и рода терминов родства и свойства, а также и терминов почтительного обращения, в наши дни несколько утрачены. Употребление в речи терминов почтительного обращения к старшим в современном алтайском языке осознается, как вежливая форма обращения младших к старшим.

В настоящее время увеличилось число собственно алтайских имен, никогда не имевших русского эквивалента. Много новых имен появилось с середины и конца 1980-х годов, в т.н. период национально-культурного возрождения, - это *Аржан* ('целебный источник'), *Арчын* ('горный можжевельник'), *Кырчын* ('одна из разновидностей можжевельника'), *Салым* ('судьба') и др. Несмотря на популярность этих имен, пожилые люди и *неме билер кижы* ("знающие") неодобрительно относятся к ним, поскольку большая часть этих имен имеет отношение к сакральной сфере.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. *Каруновская Н.Э.* Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. VI. Л., 1927. С. 19-36.
2. *Никонов В.А.* Имя и общество. М.: Наука, 1974. - 274 с.
3. *Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В.И. Вербицкого. М: Высочайше утв. Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1893. XIV. - 221 с.
4. *Вербицкий В.И.* Алтайцы. Томск, 1870. - 224 с.
5. *Тоцакова ЕМ.* Традиционные черты народной культуры алтайцев: (XIX - начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1978. - 159 с.
6. *Яимова Н.А.* Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алт. типография, 1990. - 169 с.
7. *Яковлев Е.К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1990.
8. *Шатинова Н.И.* Семья у алтайцев. Горно-Алтайск: Горно-Алт. типография, 1981.-184 с.

9. *Анохин А.В.* Материалы по шаманству у алтайцев... // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л., 1924. - 152 с.

10. *Тощакова ЕМ.* Алтайская женщина в дореволюционном прошлом // Уч. Зап. Вып. 2. Горно-Алтайск, 1958.

З.Б. Девецкая

ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ ВОСПРИЯТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ НА СЛУХ

Проблема восприятия устной речи многогранна, разные аспекты ее исследуются разными науками как в теоретических, так и в прикладных областях. Очевидна ее важность и для лингводидактики. С точки зрения обучения иностранным языкам интерес представляют характер восприятия речевого сообщения индивидом, стратегии и опоры, которым он пользуется для его интерпретации.

Надо отметить, что вопросами слухового восприятия занимались такие выдающиеся отечественные исследователи в области психологии обучения иностранным языкам и психолингвистики, как В.А. Атремов, Б.В. Беляев; И.А. Зимняя; А.А. Леонтьев и др. Отмечается, что "восприятие речи со слуха и при чтении подчиняется некоторым общим законам переработки информации, получаемой через различные сенсорные каналы" [1. С. 386], тем не менее, очевидны отличия этих двух видов речевой деятельности, которые представляются существенными для практики обучения иностранным языкам. Так, при восприятии устного сообщения в обычных условиях индивид не может установить подходящий ему темп поступления информации, убрать объективные помехи, вернуться к тому, что уже было сказано, привлечь дополнительные информационные источники, такие как словари и энциклопедии, уделить время анализу языковой формы высказывания. Слушание может осложняться также ассоциированием акустических образов со зрительными образами эквивалентных письменных знаков в том случае, если индивид освоил письменный язык прежде, чем звуковой, или чаще практикуется в письменной коммуникации [2. С. 185].

Отчасти эти трудности могут компенсироваться более простой формой разговорной речи, наличием конкретной ситуации общения, возможностью задать вопрос с целью уточнения, экстралингвистическими и просодическими факторами. Несомненно, однако, что в случае восприятия устного сообщения индивид вынужден в большей степени опираться на свои личные знания о ситуации и о мире в целом, представления, имеющийся языковой и культурологический опыт. По словам В.А. Артемова, "смысловое содержание привносится в языковые сигналы каждым из нас в результате жизненного опыта" [3. С. 96]. Большое значение в этом виде речевой деятельности приобретают ключевые слова, отражающие основной